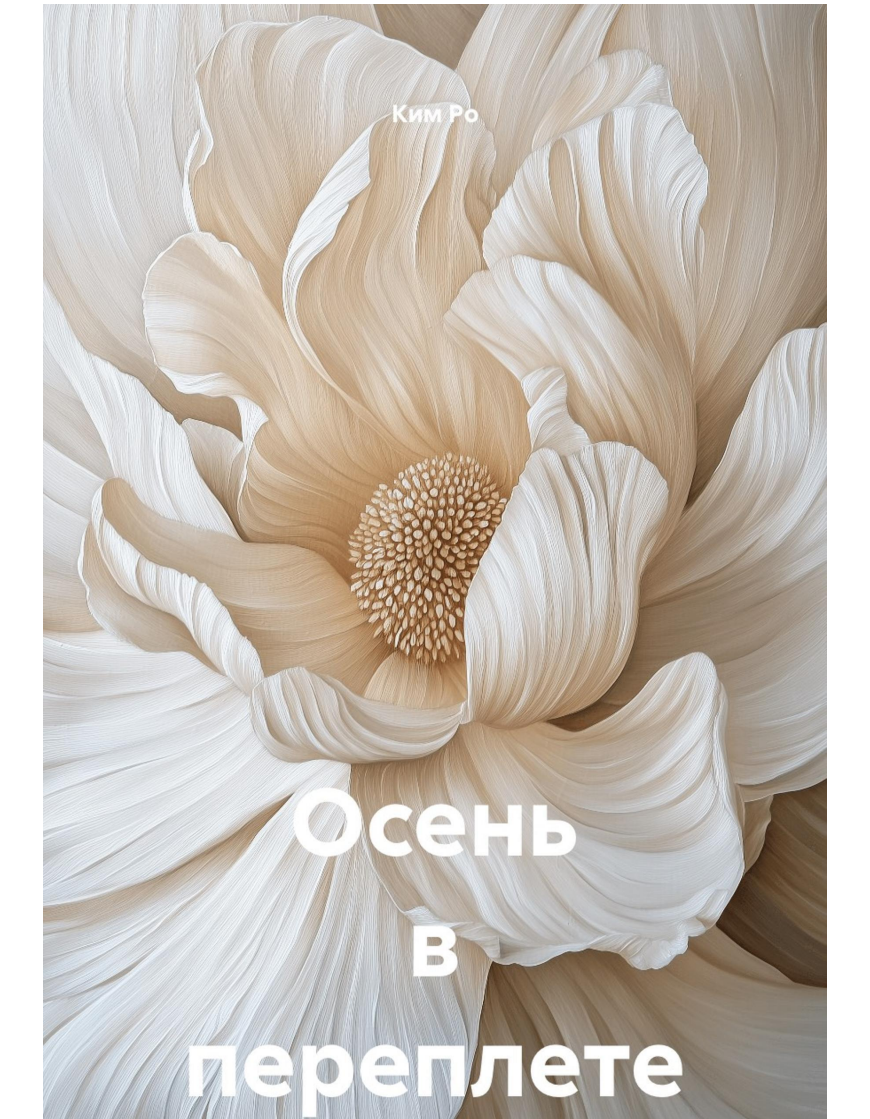

Ким Ро

Осень
в
переплете

Ким Ро

Осень в переплете

<https://litres.ru/74623272>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лера Соколова умеет оживлять старые книги: склеивать пожелтевшие страницы, восстанавливать переплёты, находить в корешках то, что давно забыто. Она не умеет только одного: отпускать прошлое. Поэтому, получив в наследство от бабушки книжную лавку на Васильевском острове, Лера решает не продавать её, хотя долгов больше, чем покупателей.

Проблема в соседе. Даниил Громов владеет антикварным салоном через дорогу и давно мечтает забрать эту лавку себе. Он предлагает выкупить её, а Лера отказывает. Тогда он начинает приходить каждый вечер, и разговоры о Бунине и Гоголе постепенно становятся опаснее любых сделок.

Но в одном из старых томов Лера находит письмо, написанное шестьдесят лет назад. И тогда выясняется, что история её семьи и история Даниила связаны гораздо теснее, чем оба готовы признать

Содержание

Глава 1 Наследство	4
Глава 2. Предложение	11
Глава 3. Реставрация	16
Глава 4. Ночной визит	18
Глава 5. Письмо	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Осень в переплете

Глава 1 Наследство

Лавка пахла бумагой, пылью и чаем с bergamot, который бабушка заваривала даже тогда, когда гости не приходили.

Лера остановилась на пороге и долго не могла заставить себя войти. Колокольчик над дверью звякнул сам, будто узнал её.

— Закрыто, — раздалось из глубины помещения. — Приходите в понедельник.

— Сегодня пятница, — ответила Лера, хотя голос предательски дрогнул. — И вообще-то я здесь хозяйка.

Из-за стеллажа показался мужчина лет тридцати двух, в тёмном свитере с закатанными рукавами. В руках он держал потрёпанный томик Блока. Посмотрел на Леру поверх очков, которых раньше здесь не было, и медленно поставил книгу на полку.

— Соколова, — сказал он. — Валентина Аркадьевна говорила, что вы приедете.

— Говорила? — Лера прищурилась. — Вы кто?

— Даниил Громов. Салон «Громов и сыновья» через дорогу. Мы с вашей бабушкой полгода спорили, кому достанутся эти стены, — он усмехнулся. — Она, кажется, выиграла.

Лера прошла мимо него к прилавку. На нём лежал конверт с её именем, написанный бабушкиным почерком, с сильным наклоном влево, как у всех, кто писал ручкой по привычке.

«Лерочка, если ты читаешь это, значит, я наконец перестала тебя ругать за то, что ты не отпускаешь прошлое. Береги книги. Они умеют ждать. И не верь человеку, который слишком хорошо знает, сколько стоит твоя лавка».

Она усмехнулась сквозь слёзы.

— Ну конечно, — пробормотала. — Даже из могилы воспитывает.

Даниил подошёл ближе, но не слишком близко.

— Я соболезнаю, — сказал он уже без иронии. — Она была замечательным человеком. И очень упрямым.

— Вы поэтому пришли? Выразить соболезнования и заодно узнать, сколько я готова взять за лавку?

Он помолчал. Потом кивнул, будто признавая справедливость упрёка.

— Не сегодня, — ответил он. — Сегодня просто скажите, нужна ли вам помощь с ключами и бумагами. Завтра я всё равно зайду.

— Зачем?

— Потому что через неделю здесь начнутся дожди, — он пожал плечами, — а крыша у вашей бабушки протекала ещё при Брежнев.

Он вышел, и колокольчик снова звякнул. Лера осталась одна среди запаха бумаги и чая, который уже никто не зава-

рит.

Она подошла к окну. Через дорогу горел тёплый свет в витрине салона «Громов и сыновья». Даниил стоял.

Она подошла к окну. Через дорогу горел тёплый свет в витрине салона «Громов и сыновья». Даниил стоял у прилавка, разговаривая с каким-то пожилым мужчиной, и время от времени поглядывал в сторону лавки. Казалось, он будто проверял, не погас ли там свет, не ушла ли Лера.

Лера прижала к груди бабушкин конверт, будто он мог удержать её от того, чтобы всё бросить и уехать первым поездом. Но уехать значило предать не только бабушку — значит предать саму себя, ту девочку, что часами сидела на полу среди стопок книг, слушая истории про старые издания, про то, как каждая книга — это чья-то жизнь, записанная между строк.

Она вернулась к прилавку, положила конверт, достала из сумки термос с остывшим кофе и сделала глоток. Горький, почти без сахара — совсем не такой, как бабушкин чай с бергамотом. И от этого стало ещё горче на душе.

Потом она взялась за дело. Сначала просто расставила по местам несколько книг, которые кто-то небрежно сдвинул на полке. Потом открыла ящик прилавка и наткнулась на стопку квитанций. Суммы были пугающими: коммунальные платежи, налоги, аренда земли. Цифры складывались в приговор: лавку не спасти.

Но стоило ей подумать об этом, как взгляд снова упал на

конверт с её именем. Бабушкин почерк, сильный, уверенный, с тем самым наклоном влево. Лера провела пальцем по буквам, будто хотела почувствовать тепло руки, которая их выводила.

«Не верь человеку, который слишком хорошо знает, сколько стоит твоя лавка».

Слова звенели в голове, как тот колокольчик над дверью. И в них была не просто осторожность — в них была целая история. Бабушка всегда говорила, что книги не продаются. Не потому, что они дорогие, а потому, что в них живёт память.

За окном потемнело. Дождь так и не начался, но небо налилось свинцом, и даже свет из салона напротив казался тусклее. Лера зажгла настольную лампу, и тёплый круг света выхватил из темноты корешки книг, покрытые тонким слоем пыли.

Она подошла к самой старой полке — той, что стояла у окна и больше всего страдала от сырости. Там хранились издания начала XX века: потрёпанные, с выцветшими обложками, но с удивительно живыми шрифтами. Лера осторожно сняла одну книгу, провела ладонью по переплёту. Кожа была сухой, местами потрескавшейся, но ещё крепкой.

— Ты ещё поживёшь, — прошептала она, будто книга могла её услышать.

В этот момент колокольчик снова звякнул. Лера вздрогнула и обернулась. На пороге стоял Даниил. В руках он дер-

жал бумажный пакет, из которого пахло свежей выпечкой, и зонт, который он тут же сложил, стряхивая капли воды — дождь всё-таки начался, тихо и незаметно.

— Я подумал, что вы, возможно, ещё здесь, — сказал он, чуть запыхавшись, будто спешил. — И что, наверное, ничего не ели.

Лера хотела было отказаться, сказать, что справится сама, что не нуждается ни в помощи, ни в его заботе. Но запах выпечки оказался сильнее гордости.

— Спасибо, — тихо сказала она, принимая пакет. Внутри оказались два круассана и маленькая коробочка чая — того самого, с бергамотом.

Даниил заметил её взгляд.

— В моём салоне есть традиция: каждый день заваривать свежий чай. Я подумал, что вам будет приятно.

— Это бабушка его любила, — призналась Лера, чувствуя, как к горлу подступает комок. — Она говорила, что бергамот прогоняет тоску.

Даниил кивнул, не пытаясь заполнить паузу пустыми словами. Он подошёл к полке, где Лера только что держала книгу, и посмотрел на корешки.

— Эти издания в плохом состоянии. Если оставить их так, через пару лет они рассыплются. У меня есть знакомый реставратор. Хороший специалист.

Лера покачала головой.

— У меня нет денег на реставратора.

Он помолчал, потом посмотрел ей прямо в глаза.

— Тогда я помогу сам. У меня есть опыт. Я могу показать, как укрепить переплёт, как обработать страницы, чтобы остановить разрушение. Просто... не делайте этого в одиночку.

Лера сжала губы, пытаясь удержать эмоции. Ей хотелось закричать, что она не нуждается в его помощи, что он — тот самый человек, который хочет забрать её лавку. Но в то же время она понимала: он прав. Книги не выдержат её неопытности и спешки.

— Хорошо, — наконец сказала она. — Покажите. Но это не значит, что я собираюсь продавать лавку.

Даниил едва заметно улыбнулся.

— Я и не прошу. Я прошу только не дать книгам умереть.

Они начали с самой ветхой книги. Даниил достал из кармана небольшой набор инструментов: тонкую кисть, баночку с клеем, кусочек марли. Его движения были уверенными, почти бережными, как будто он разговаривал с книгой, а не просто чинил её.

— Сначала нужно укрепить корешок, — объяснял он. — Потом обработать страницы специальным раствором, чтобы остановить окисление. И только потом — переплёт.

Лера наблюдала, как его пальцы ловко управляют с крошечными деталями. Она вдруг поймала себя на мысли, что впервые за этот день не чувствует себя такой одинокой.

Когда книга была аккуратно уложена на полку, чтобы про-

сохнуть, Даниил отряхнул руки и посмотрел на Леру.

— Завтра продолжим. Принесу ещё инструменты. И, может быть, ещё чаю.

Лера кивнула, не зная, что сказать. Слова застряли где-то внутри, смешиваясь с усталостью и странным чувством облегчения.

Он уже подошёл к двери, когда она вдруг спросила:

— Почему вы это делаете? Вы ведь хотели купить лавку.

Даниил остановился, положил руку на дверную ручку, но не повернул её.

— Потому что есть вещи, которые нельзя купить, — тихо сказал он. — Книги — одна из них. А ещё... ваша бабушка была удивительным человеком. Она не просто торговала книгами — она их спасала. Я хочу, чтобы это продолжалось. Даже если не в моих стенах.

Колокольчик звякнул в последний раз, и дверь закрылась. Лера осталась одна, но теперь тишина в лавке не казалась такой глухой. В ней слышался шёпот страниц, запах бергамота и тихий голос бабушки: «Они умеют ждать».

Она снова взяла в руки конверт. Пальцы дрожали, но теперь не от горя, а от чего-то другого — от предчувствия, что впереди её ждёт не только борьба за лавку, но и история, которую она ещё не готова была услышать.

Глава 2. Предложение

Утро выдалось серым и вязким, будто город ещё не решил, плакать ему дождём или просто хмуриться. Лера проснулась на узком диване в подсобке лавки — она даже не помнила, как добралась до него вчера. В воздухе витал запах бергамота: пакетик чая, который принёс Даниил, так и остался лежать на прилавке, будто маленький знак того, что вчерашний вечер не приснился.

Она умылась холодной водой из крошечной раковины, натянула свитер потеплее и вышла в зал. Первым делом подошла к полке, где вчера они с Даниилом чинили книгу. Та лежала ровно, корешок аккуратно укреплён, страницы чуть разглажены. Лера провела пальцем по шву — работа была тонкой, почти ювелирной. И от этого внутри шевельнулось странное чувство: не благодарность, а скорее тревога. Помощь всегда чего-то стоит.

Не успела она заварить себе кофе, как колокольчик над дверью звякнул. На пороге стоял Даниил. В руках — не печка и не чай, а папка в твёрдом переплёте, из тех, в которых хранят важные документы. На лице — ни намёка на вчерашнюю мягкость. Сегодня он был не тем человеком, который приносит чай, чтобы утешить. Сегодня он был бизнесменом.

— Доброе утро, — сказал он, не дожидаясь приглашения.

— Я не помешал?

— Зависит от того, с чем пришёл, — ответила Лера, стараясь говорить ровно. — Если опять про реставрацию — спасибо, но я справлюсь.

Даниил молча положил папку на прилавок. Щёлкнул застёжкой. Внутри лежал лист с аккуратной таблицей: рыночная стоимость помещения, оценка состояния здания, прогноз по ремонту, а в самом низу — цифра, от которой у Леры на секунду потемнело в глазах. Сумма была внушительной. Такой, что можно было закрыть все долги, купить квартиру где-нибудь подальше от Васильевского, начать всё заново. Без пыли, без старых книг, без тяжести чужого прошлого.

— Это предложение о выкупе, — спокойно сказал Даниил, будто озвучивал прогноз погоды. — Официальное. Я готов выйти на сделку в течение недели. Деньги — на счёт сразу после подписания.

Лера не стала хватать лист, не стала его читать. Она просто смотрела на папку, будто это была не бумага, а ловушка.

— Вы вчера говорили, что книги нельзя купить, — напомнила она. — Что есть вещи, которые не продаются.

— Я не пытаюсь купить книги, — возразил он. — Я покупаю помещение. А книги... я могу их выкупить отдельно. Или забрать бесплатно, если скажете, что они вам не нужны. У меня есть хранилище, там нужный микроклимат, специалисты...

— Чтобы они там лежали и ждали, пока кто-то решит, что

с ними делать? — перебила Лера. — Нет.

Даниил чуть нахмурился, будто не привык, что ему отказывают так быстро.

— Лера, посмотрите на цифры. Вы не потянете ремонт крыши, не говоря уже о налогах. Даже если вы будете реставрировать по одной книге в месяц, лавка не окупится. Это не упрямство, это здравый смысл.

— А здравый смысл говорит, что нельзя бросать то, что тебе доверили, — тихо, но твёрдо сказала она. — Бабушка оставила мне не стены. Она оставила мне книги. И я не отдам их ни за какие деньги.

Он помолчал, будто взвешивая, стоит ли продолжать давать. Потом закрыл папку, но не убрал её.

— Хорошо. Допустим, вы не продаёте. Тогда давайте подумаем о партнёрстве. Я беру на себя расходы по ремонту и часть коммунальных платежей. Взамен — процент с продаж и право выставлять в витрине некоторые лоты из моего салона. Это компромисс.

Лера покачала головой.

— Компромисс, при котором вы постепенно становитесь здесь главным? Нет. Я не хочу быть номинальным владельцем в собственной лавке.

Даниил вздохнул, и в этом вздохе было не раздражение, а усталость.

— Вы упрямы, как ваша бабушка.

— Стараюсь соответствовать, — Лера скрестила руки на

груди. — И если это всё, то мне нужно работать. У меня там стопка книг, которые сами себя не починят.

Он ещё секунду постоял, будто хотел сказать что-то ещё, но потом просто кивнул.

— Ладно. Не буду мешать. Но если передумаете насчёт реставрации — я всё ещё готов помочь. Без условий.

И он ушёл, оставив на прилавке папку. Лера смотрела, как он пересекает улицу, как заходит в свой салон, как за ним закрывается дверь. Потом медленно протянула руку и задвинула папку в ящик прилавка. Не выбросила. Не порвала. Просто убрала туда, где она не будет мозолить глаза.

В этот момент из глубины лавки донёсся тихий хруст — будто одна из старых книг жалобно вздохнула. Лера обернулась. На полу у полки лежала тонкая книжка в потрёпанном переплёте. Она не могла упасть сама: Лера вчера аккуратно всё расставила.

Она подняла её, стёрла пыль с обложки. Название было почти стёрто, но на титульном листе стояла дата: 1962 год. А между страниц торчал уголок бумаги — не закладка, а что-то вроде письма, сложенного вчетверо.

Сердце забилося быстрее. Лера села прямо на пол, приклонившись спиной к полке, и осторожно развернула листок. Почерк был незнакомым, мелким, с острыми буквами. И начиналось письмо так:

«Если ты читаешь это, значит, ты уже знаешь, что прошлое не отпускает...»

Глава 3. Реставрация

Лера сидела на полу, прислонившись спиной к полке, и держала в руках письмо, будто оно могло обжечь. Строка «Если ты читаешь это, значит, ты уже знаешь, что прошлое не отпускает...» крутилась в голове, как заезженная пластинка. Она снова и снова вглядывалась в почерк — мелкий, с острыми углами, будто человек писал в спешке, боясь, что его прервут. Подписи не было. Только дата в углу: 12 октября 1962 года.

За окном моросил дождь, и капли стекали по стеклу неровными дорожками, словно пытались что-то написать. Лера осторожно убрала письмо в карман свитера, встала и подошла к прилавку. Папка с предложением Даниила по-прежнему лежала в ящике. Она не стала её доставать — просто задвинула поглубже, чтобы не мозолила глаза.

Потом она вернулась к книгам. Нужно было чем-то занять руки, чтобы мысли не крутились вокруг одной и той же фразы. На полке стояла стопка изданий, которые бабушка помечала красным карандашом — те, что требовали срочной реставрации. Лера взяла первое: потрёпанный сборник стихов Серебряного века. Переплёт едва держался, страницы были ломкими, с коричневыми краями.

Она достала из ящика бабушкины инструменты: тонкую кисть, баночку с реставрационным клеем, кусочек марли.

Всё это лежало здесь годами, аккуратно разложенное по коробочкам, будто ждало, когда Лера наконец решится взяться за дело.

Лера начала с укрепления корешка. Она помнила бабушкины уроки: «Не торопись. Книга чувствует, когда к ней относятся небрежно». Но сколько бы она ни старалась, движения выходили резкими, неуверенными. Клей ложился неровно, марля морщижилась.

Глава 4. Ночной визит

К вечеру дождь не утих, а будто набрался сил — теперь он хлестал по стёклам, как будто пытался смыть с города всю его осеннюю усталость. В лавке было темно и тихо, только изредка трещал старый радиатор, да где-то в глубине шкафа что-то шуршало — то ли мышь, то ли просто оседала пыль.

Лера сидела на полу, прижав колени к груди, и смотрела на сборник Серебряного века, над которым безуспешно билась весь день. Корешок так и не хотел держаться, страницы рассыпались под пальцами, как сухие листья. Она уже третий раз переделывала один и тот же шов, и каждый раз он получался кривым, будто книга нарочно сопротивлялась её попыткам её спасти.

— Ты не умеешь это делать, — тихо сказала она вслух, будто оправдываясь перед томиком. — Ты вообще ничего не умеешь. Ни реставрировать, ни долги платить, ни прошлое отпускать.

Она закрыла глаза и глубоко вдохнула — запах бумаги и пыли вдруг показался ей почти невыносимым. Он был слишком родным, слишком бабушкиным. И от этого хотелось одновременно плакать и злиться.

В этот момент колокольчик над дверью звякнул так резко, что Лера вздрогнула. Она подняла голову — на пороге стоял Даниил. На плечах у него темнел дождевик, с капюшона ка-

пала вода, а в руках он держал небольшой пластиковый контейнер и свёрток в крафтовой бумаге.

— Я постучал, — сказал он, стряхивая воду уже внутри, чтобы не натечь на пол. — Но ты, видимо, не слышала.

— Не слышала, — призналась Лера, поднимаясь и отряхивая свитер. — Что это?

— Суп. Из той маленькой столовой на углу. Там делают лучший грибной в округе. И ещё коечто.

Он протянул свёрток. Лера развернула его — внутри лежали инструменты: тонкая кисть из беличьего ворса, баночка с какимто прозрачным составом, рулон тонкой ткани, похожей на муслин.

— Это не клей из хозяйственного магазина, — спокойно сказал Даниил. — Это реставрационный состав. Он обратимый — если чтото пойдёт не так, его можно смыть, не повредив бумагу. А кисть... ну, ею вообще нельзя работать как попало. Ей нужно «чувствовать» страницу.

Лера хотела отказаться — сказать, что справится сама, что не нуждается в его помощи и уж тем более в его супе. Но живот предательски заурчал, а пальцы сами потянулись к баночке.

— Ладно, — буркнула она. — Спасибо. Но это не значит, что я согласна на твои условия.

Даниил едва заметно улыбнулся и прошёл к прилавку, поставил контейнер рядом с папкой, которую Лера так и задвинула в ящик.

— Я и не предлагаю условия. Просто... видел, как ты сегодня возилась с книгой у окна. Ты делала всё не так. И я подумал, что если не покажу сейчас, завтра будет поздно. Некоторые страницы уже на грани.

Они сели на пол друг напротив друга, как будто это было самое естественное место для разговора. Лера открыла контейнер — аромат горячего супа разом прогнал из лавки часть сырости и холода. Она ела медленно, почти машинально, а Даниил тем временем достал из сумки увеличительное стекло и положил перед собой тот самый сборник.

— Смотри, — он аккуратно раскрыл книгу на середине. — Видишь эти коричневые пятна? Это окисление. Если не остановить, бумага станет хрупкой, как пепел. Нужно обработать края специальным раствором, но очень тонким слоем. И ни в коем случае не мочить середину страницы.

Он взял кисть, окунул её в состав и провёл по краю листа — движение было едва заметным, почти невесомым.

— Вот так. Как будто ты не красишь бумагу, а дышишь на неё.

Лера повторила за ним, стараясь скопировать лёгкость движения. На этот раз шов лёг ровно, без складок, и она вдруг почувствовала странное удовлетворение — будто сделала что-то понастоящему важное.

— Хорошо, — кивнул Даниил. — Теперь укрепим корешок. Но сначала нужно понять, из чего он сделан. Иногда кожа ведёт себя как живое существо: если переборщить с вла-

гой, она скукожится и всё испортит.

Пока он объяснял, Лера вдруг вспомнила про письмо. Оно всё ещё лежало в кармане свитера, тяжёлое, будто наполненное чужим беспокойством.

— Слушай, — она запнулась, не зная, как начать. — Сегодня я нашла... в книге было письмо. От 1962 года. Без подписи. И там такая странная фраза: «Если ты читаешь это, значит, ты уже знаешь, что прошлое не отпускает...»

Даниил замер, кисть повисла в воздухе. Потом он медленно отложил её и посмотрел на Леру.

— Покажи.

Она достала листок, развернула и протянула ему. Он не стал хватать его, а сначала достал из кармана тонкую хлопковую салфетку и только потом взял письмо, держа за самый край.

— Бумага тонкая, хрупкая, — пробормотал он, разглядывая почерк. — И чернила... похоже на железный галлиевый состав. Такие часто использовали в шестидесятых.

— Ты что, разбираешься и в письмах?

— В старых вещах, — поправил он. — В том, как они стареют, как их хранили, как прятали. У нас в салоне есть архивист. Могу попросить его взглянуть, если хочешь.

Лера покачала головой.

— Нет. Пока не хочу. Это... личное.

— Понимаю.

Он вернул письмо, и Лера снова спрятала его в карман,

будто оно могло согреться рядом с сердцем.

Какое-то время они работали молча. Только шуршала бумага, да капала вода с подоконника. Дождь всё не унимался, и казалось, что весь город смыло в одну большую серую лужу, а эта лавка осталась единственным сухим местом.

Когда они закончили с книгой, Даниил аккуратно закрыл её и поставил на полку.

— Пусть сохнет сутки. Потом можно будет заняться переплётом.

Лера кивнула, не зная, что сказать. Ей хотелось одновременно поблагодарить его и попросить уйти, чтобы она могла побыть одна и подумать про письмо, про бабушку, про то, почему всё это вдруг стало таким важным.

— Спасибо, — наконец произнесла она. — За инструменты. За суп. За то, что показал... как надо.

— Пожалуйста, — он поднялся, потянулся, будто только сейчас почувствовал, как устал сидеть на полу. — И, Лера... не пытайся сделать всё сразу. Книги терпеливы. Они умеют ждать. Твоя бабушка это знала.

У двери он остановился, положил руку на ручку, но не открыл её.

— И ещё. Если письмо окажется чемто большим, чем просто старые слова... если ты найдёшь ещё что-то — скажи мне. Не потому, что я хочу забрать лавку. А потому, что моя семья тоже связана с этим районом, с этими домами. И, возможно, я смогу помочь не как покупатель, а как человек, ко-

торый понимает, что такое память.

Колокольчик звякнул, дверь закрылась, и Лера осталась одна. Но теперь тишина в лавке не казалась ей враждебной. Она подошла к окну и посмотрела на светящуюся витрину салона «Громов и сыновья». Свет там горел ровно и спокойно, как будто обещал, что ничего страшного не случится, по крайней мере сегодня.

Она вернулась к прилавку, достала из ящика папку с предложением, долго смотрела на неё, а потом взяла ножницы, которые бабушка держала для обрезки бумаги, и разрежала застёжку. Листы рассыпались по прилавку, но Лера не стала их читать. Вместо этого она достала чистый лист и начала писать — не письмо, не договор, а список. Список того, что нужно сделать, чтобы спасти лавку: укрепить крышу, найти реставратора, разобрать архив, узнать, кто написал те строки в 1962 году.

И в самом низу, самым мелким почерком, она добавила: «Попросить Даниила рассказать про его деда».

Глава 5. Письмо

Утро началось с холода. Не того, что приходит с осенью, а того, что пробирается под свитер, когда понимаешь: ты одна против целой горы дел, и даже книги будто смотрят на тебя с молчаливым укором. Лера проснулась на том же узком диване в подсобке, натянула второй свитер поверх первого и первым делом подошла к полке, где стояла вчерашняя книга — та самая, с укреплённым корешком. Она лежала ровно, будто гордилась тем, что её не бросили.

На прилавке по-прежнему валялись листы из папки Даниила — Лера так и не выбросила их, хотя и разрежала застёжку. Теперь они казались не угрозой, а просто бумагой: сухой, немного шершавой, с чёткими цифрами, которые обещали свободу, но требовали предательства. Лера аккуратно собрала листы и сложила в стопку, а сверху положила ножницы. Пусть лежат. Решение никуда не денется.

Она заварила кофе в старой турке — без бергамота, без церемоний. Сделала глоток и поморщилась: горький, слишком крепкий. Но именно такой сейчас и нужен был — чтобы прогнать остатки сна и заставить мозг работать.

Письмо лежало в ящике прилавка, завёрнутое в кусок чистой ткани, которую Лера нашла среди бабушкиных запасов. Она не хотела, чтобы оно истрепалось от одного только прикосновения. Но и прятать его до бесконечности было нельзя.

Слова «Если ты читаешь это, значит, ты уже знаешь, что прошлое не отпускает...» не давали покоя, будто кто-то шептал их прямо над ухом.

Лера достала письмо, развернула и снова вгляделась в почерк. Мелкие, острые буквы, будто автор боялся, что чернила исчезнут раньше, чем он успеет дописать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.